

ЯЗЫКОВОЙ КИНЕТИЗМ И ЕГО ТЕМПОРАЛЬНЫЙ СУБСТРАТ

В языке существует порядок, поскольку язык сам по себе является теорией, чем-то таким, что поддается теоретизации.

Г. Гийом

Розглядаються зміст і складники темпорального субстрату лінгвістичного кінетизму.

Ключові слова: *глоссогенія, дискурсивний час, лінгвістичний менталізм, онтогенія, оперативний час, праксеогенія, психомеханіка, психосистематика.*

Философским основанием научного познания, в частности языка, является феноменология, как метод, направленный на онтологию, на сущее [9, с. 23]. Ранее сущего появляется бытие, постижение которого – “априорное познание” [9, с. 24]. “Все положения онтологии – суть темпоральные положения. Ее истины – это выявленные структуры темпоральности. Все онтологические положения имеют характер *veritas temporalis*” [9, с. 429-430]. Метод онтологии предполагает осуществление последовательных шагов при анализе бытия и разработке его структур. При этом расщепляется сам предмет изучения, определяется суть отношений между его частями [9, с. 436]. По мнению У. Эко, “Бытие непостижимо не иначе как через посредство языка – языка, который не подвластен человеку, ибо не человек мыслит себя на языке, но язык мыслит себя через человека” [14, с. 437].

Рассмотрим темпоральные основания языкового и речевого ментализма. Г. Гийом отмечает, что онтогенія (термин Г. Гийома – в названиях глоссология, онтология и праксеология Г. Гийом заменяет окончание *-логия* на окончание *-генія*, поскольку первое подразумевает соотношенность с логикой, второе – с когерентностью, предполагающей упорядоченное движение [2, с. 18]) речевого акта (речевой деятельности – *langage*) образуется в условиях, определяющих его существование [16, с. 290]. Воспринимая реальные речевые акты (высказывания), нам трудно уловить, что происходит внутри нас. В большой мере эта трудность следует из того, что мы начинаем наблюдать с опозданием [14, с. 20]. Изучение мыслительно-языкового процесса только по поствер-

бальному результату Г. Гийом считал недостаточным [там же]. Поэтому возникает необходимость аналитической реконструкции двуединой онтологии лингвистической реальности в виде дихотомии язык / речь, соответственно невидимого и видимого компонентов, определения разных режимов работы их психомеханизмов, носителями которых являются разные темпоральные субстраты. Это и представляет основную цель предлагаемой статьи.

В самом акте речи мысль пробегает путь “от времени в потенции до времени в действительности” [8, с. 38]. Другими словами, от языковых актов репрезентации до актов выражения в дискурсе [16, с. 291].

В основе образования языковых и речевых единиц лежат определенные психомеханические операции с той разницей, что единицы языковой системы представляют результативный этап таких операций, а речь – процессуальный. Неоднородность подобных операций очевидна, они могут быть разведены во временном плане как когнитивные и когнитивные. Понятие когнитивности является процессуальным и ассоциируется с ментальными актами человеческой психики, в то время как понятие когнитивности – скорее с результатом экзистенциального (актуального) плана и касается мышления (в том числе и речевого). Когнитивность – это эссенциальное (виртуальное) свойство, касающееся аккумуляции знаний (в том числе и собственно языковых) и дискретизации картины мира [15, с. 23-24].

Разграничение разных темпоральных пространств языка и речи не исключает постоянной динамики их психомеханизмов. В языке все кинетично, каждое движение референтно определенному темпоральному плану, имплицитно изменяемую статику. Результативность “исторического” становления единиц языка, их глоссогенія, предшествует онтогеніи, носителю интеграции языка и речи в речевой деятельности (*le*

language), которая завершается речевыми (речеязыковыми) актами (высказываниями). Последние характеризуются моментальностью их продуцирования в виде единиц дискурса в темпоральном плане праксеогении с целью воздействия на собеседника [15, с. 15-16; 16, с. 289-290]. Подобная интеграция языка и речи осуществляется в соответствии с общим прагматическим целеустремлением (интенцией) говорящего, а также с учетом факультативных свойств единиц языковой системы и их грамматической и семантической уместности в структуре высказывания. Естественно трудно определить темпорально скрытую конвертацию потенциальных единиц языка в актуализированные речевые акты, которые доступны для наблюдения [15, с. 12].

Речевая деятельность часто рассматривается как динамическая составляющая дискурса, а речевые акты (высказывания) – как микро- или макротекстовые образования. В этом проявляется двойственность феномена дискурса, который является одновременно процессом и определенной лингвистической целостностью [4, с. 307].

В антропологическом измерении глоссогения представляет неосознанные говорящим ментальные операции, онтогения – частично осознанные и праксеогения – полностью осознанные. Отметим, что такая гипотеза крайне условна.

Дискурс трехзначен в темпоральной последовательности его “внутреннего” становления: потенциальные единицы языка, носителем которых является глоссогения, на пространстве онтогении актуализируются в речевых актах (высказываниях), которые, как было отмечено, в плане праксеогении, реализуются как определенные единицы дискурса. Фактически такое движение представляет каузацию (порождение) высказывания [8, с. 13]: языковые единицы преобразуются в речевые, которые функционируют как единицы дискурса; акты репрезентации преобразуются в акты выражения. При этом непрерывность темпоральности обеспечивается тем, что онтогения является производной от глоссогении, а праксеогения – от онтогении.

Итак, темпоральный субстрат дискурса покрывает глоссогению, онтогению и праксеогению, на пространстве которых осуществляется движение от единиц языка к единицам речи. Очевидно, это послужило для Г. Гийома основанием полагать существование континуума язык-речь [16, с. 248], что является еще одним признанием лингвистической дихотомии язык-речь, которая должна непременно учитываться при анализе дискурса [14, с. 166; 15, с. 11].

Анализ темпорального субстрата языкового и речевого ментализма базируется на следующих постулатах:

1. Всякая мысль, участвующая в производстве речи, представляет движение.

2. По мере развития этого движения осуществляются перехваты, отмечающие ранние и поздние моменты их “остановки”.

3. Такое движение имплицитно предполагает существование оперативного времени.

Любое движение, образно или конкретно предполагающее передвижение, имеет временное измерение и для любого движения необходимо определенное время. Г. Гийом как-то заметил, что так же как для ходьбы, для мышления необходимо время [там же].

Лингвист может постичь операции психомеханизмов путем реконструкции, путем интроспекции. Именно силой своего разума человек проникает в ментальную сферу языка, который представляет собой созидательную работу человеческой мысли по восприятию и осмыслению окружающего мира. Мысль создает язык для собственного выражения.

Г. Гийом впервые представил новое направление науки о языке – психосистематику, которая располагает собственной методикой исследования – “позиционной лингвистикой” [14, с. 53]. “Психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а определенные готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, механизмы, которым язык дает точное отражение. Самая первая необходимость акта выражения заключается в том, что мышление имеет возможность перехвата, без перехвата мышлением самого себя невозможно выражение” [14, с. 54]. Язык не может быть мышлением, но может рассматриваться как оптимизация мышления. Перехват – это место встречи мышления и языка. Перехватить – это одновременно задержать и понять. Это необходимо мышлению, поскольку оно создает самое себя [14, с. 11]. Перехваты, которыми оперирует мышление, придают мышлению потенциальную значимость [там же]. “Мысль как бы изучает самое себя, наблюдает свое собственное движение, строя в результате языковую систему, элементами которой являются обозначения, данные мыслью отдельным отрезком пути” [8, с. 52].

Психомеханические процессы, свойственные языку, всякий раз воспроизводятся в речи в процессуальном режиме. Поэтому знак представляет в речи воспроизводимую операцию и как носитель оперативного процесса выражает динамику

самого процесса.

Динамика темпоральности дискурса, включающая глоссогению, онтогению и праксеогению, первоначально воплощается в собственном оперативном времени, которое в самом общем виде разграничивается на внутреннее оперативное время языка и внешнее оперативное время речи. Другими словами, оно референтно образованию потенциально значимых единиц языка и актуализированных речевых актов. В неизмеримо кратком оперативном времени праксеогении кинетические перехваты мышления преобразуются в статические [16, с. 293]. Оперативное время речевого акта, каким бы кратким и мгновенным оно ни было, является реальным, поскольку речь дана нам в ощущение.

О реальности оперативного времени в построении языковой системы, о результатах работы его психомеханизмов можно судить, например, по грамматическим единицам (*mots grammaticaux*), которые, по сути, являются операторами самоперехватов мышления. М. Туссен говорит об изоморфизме количества движений (перехватов) в мышлении с его нейролингвистическим субстратом [16, с. 227].

Было отмечено, что языковые представления языка конвертируются в акты выражения, речевые акты – единицы дискурса, включающего ряд высказываний. В разные годы Г. Гийом occasionally использовал термин “речевая операция” (*opération de langage*) в значении акта речи или дискурсивной операции [16, с. 297]. Ранее ученый упоминал о психомеханике как теории речи, теории высказывания. Психомеханика интегрирует психосистематику, что, в общем, отражено в формуле Г. Гийома *langage = langue + discours*.

Мысль, которая управляет актом речи, выполняет двойную функцию: 1. Она воплощается в речи в виде значений (то, что говорят); 2. Она мотивирует дискурс (почему это говорят) [16, с. 311].

Г. Гийом не только продолжает развитие теории ментализма (Брюно, Дамуретта и Пишона) и лингвистики речи (Балли) в аспекте интеграции языка и речи, но и уточняет сам лингвистический статус ментализма [13, с. 34-35].

Завершая рассмотрение некоторых вопросов темпорального основания языкового и речевого ментального кинетизма, отметим:

1. Ментальный кинетизм речи осуществляется в реальном времени. Время является носителем, основным параметром анализа лингвистического ментализма. Теория оперативного времени – наука о лингвистическом ментализме, кото-

рый познается путем интроспекции.

2. Ментальный кинетизм от актов презентации до актов выражения в континууме язык-речь обеспечивает непрерывность темпорального субстрата дискурса, а также подтверждает его двойственность в феноменологическом аспекте “сущее и его бытие”.

3. М. Хайдеггер пишет: “Речь сама по себе временна, ибо всякое говорение о чем, чье и к кому основано в экстатичном единстве времени” [10, с. 349]. Имеется в виду временность дискурса как “речи, погруженной в жизнь” [9, с. 137; 16, с. 230-232]. Иначе говоря, дискурсивное время в таком понимании – это обозначение реальных событий, которое продуцируется и воспринимается коммуникантами. Это время выражается временными, аспектуальными формами, таксисными отношениями и т.д. Подобное дискурсивное время условно можно назвать “внешним”, оно ориентировано на отношение человек-мир, которое опосредовано, преломляется в отношении человек-человек, в дискурсе.

В данной статье содержится попытка реконструкции “внутреннего” дискурсивного времени, в виде оперативного времени порождения высказывания (речевого акта) в единстве глоссогении, онтогении и праксеогении. Подобная реконструкция – это лишь один из элементов воссоздания теории, которой является сам язык.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл. – 1990. – С. 136-137.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и предисловием Рока Валена / Г. Гийом; пер. с фр., общ. ред. послесл. и коммен. Л.М. Скредлиной. – Изд. 2-е, испр. – М.: Editorial УРСС, 2004. – 224 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Кибрик А.А. Функциональные и когнитивные теории / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Скредлиной. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Editorial УРСС, 2002. – С. 276-329.
5. Минкин Л.М. Предложение, высказывание, речевой акт / Л.М. Минкин // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. Філологія. – 2007. – Т. 10. – № 2. – С. 5-15.

6. Минкин Л.М. Феноменология, эпистемология, психосистематика и психомеханика языка / Л.М. Минкин // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. Філологія. – 2009. – Т. 12. – № 1. – С. 7-19.
7. Минкин Л.М. Лингвистическая дихотомия язык / речь и мышление (когнитивность и когнитивность) / Л.М. Минкин // Слово й текст у просторі культури: тези доповідей міжнародної наукової конференції, присвяченої 80-річчю з дня народження проф. О.М. Мороховського. – К.: Ленвіт, 2010. – С. 23-24.
8. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Г.Гийома: курс лекций по языкознанию / Е.А.Реферовская. – СПб.: Академический проект, 1997. – 125 с.
9. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / М.Хайдеггер. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 441 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / М.Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2002. – 451 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У.Эко. – СПб.: Symposium, 2004. – 538 с.
12. Boon et Jooly. Dictionnaire terminologique du système du langage / Boon et Jooly. – Paris; Montréal: l'Harmattan, 1986. – 443 p. [Словарь терминов лингвистической теории Г. Гийома].
13. Fortis J.-M. La linguistique cognitive, une trentenaire de vieille souche / J.-M.Fortis // Mémoires de la société de Linguistique de Paris. – Paris, 2010. – Т. XVIII. – P. 11-51.
14. Valette M. Enonciation et cognition : deux termes in absentia pour deux notions omniprésentes dans l'œuvre de Guillaume / M.Valette // Le français moderne. – Т. LXXI. – №1. – 2003. – P. 6-25.
15. Valin R. Introduction / R.Valin // Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1948-1949. Structure sémiologique et structure psychique de la langue française. – Série A. – Québec : Librairie C. Klincksiek, 1971. – P. 9-58.
16. Toussain M. Linguistique et épistémologie / M.Toussain // Kalbotyra, 1973. – XXXIX. – № 3. – P. 220-230.

This article considers the content and components of the temporal substratum of cognitive-linguistic kinetism.

Key words: *glossogeny, discursive time, linguistic mentalism, ontogeny, operative time, praxiogeny, psychomechanics, psychosystematics.*

Рассматриваются содержание и слагаемые темпорального субстрата лингвистического кинетизма.

Ключевые слова: *глоссогения, дискурсивное время, лингвистический ментализм, онтогенез, оперативное время, праксеогения, психомеханика, психосистематика.*